Добавил(а) Социология
03.01.11 01:27 -

Л. Козер
ВРАЖДЕБНОСТЬ И НАПРЯЖЕННОСТЬ В КОНФЛИКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Л. Козер — американский социолог немецкого происхождения, вынужденно эмигрировавший в годы второй мировой войны из Европы в США, является сегодня классиком мировой конфликтологии. Изданная в 1956 году его работа «Функции социального конфликта» считается бестселлером среди книг по социологии конфликта. Автор впервые обращает внимание на позитивные функции конфликта. По его мнению, признание конфликта в качестве неотъемлемой характеристики социальных отношений никак не противоречит задаче обеспечения стабильности и устойчивости существующей социальной системы.

Печатается по изданию:Козер Л. Функции социального конфликта. — М.: Изд-во «Идея-пресс», 2000.

ТЕЗИС: Группосохраняющие функции конфликта и значение институтов, выполняющих роль «защитных клапанов»
«...противоборство членов группы друг с другом — фактор, который нельзя однозначно оценить как негативный хотя бы потому, что это иногда единственное средство сделать жизнь с действительно невыносимыми людьми, по крайней мере терпимой. Если бы мы вовсе были лишены силы и права восстать против тирании, произвола, само¬дурства и бестактности, мы вообще не смогли бы общаться с людьми, от дурного характера которых страдаем. Мы могли бы пойти на какой-нибудь отчаянный шаг, что положило бы конец отношениям, но, возможно, не стало бы «конфликтом». Не только потому, что... притеснение обычно возрастает, если его спокойно и без протестов терпят, но также и потому, что противоборство дает нам внутреннее удовлетворение, отвлечение, облегчение... Противоборство дает почувствовать, что мы не просто жертвы обстоятельств».
Зиммель здесь утверждает, что выражение враждебности в конфликте играет положительную роль, поскольку допускает сохранение отношений в ситуациях стресса, тем самым предотвращая распад группы, который неизбежен в случае изгнания враждебно настроенных индивидов.
Таким образом, конфликт выполняет группосохраняю-щюю функцию в той мере, в какой регулирует системы от¬ношений. Он «очищает воздух», т. е. удаляет скопления подавленных враждебных эмоций, давая им свободный выход в действиях. Зиммель как бы вторит шекспировскому королю Джону: «Это глупое небо не очищается без бури». Может показаться, что Зиммель здесь отступает от собственной методологии и принимает во внимание воздействие конфликта только на одну сторону — на «ущемленную», не беря в расчет воздействия сторон друг на друга. Однако на самом деле анализ «освобождающего» действия конфликта на «ущемленных» индивидов и группы интересует его лишь в той мере, в какой это «освобождение» способствует поддер¬жанию отношений, т. е. моделей взаимодействия.
И тем не менее отмеченное выше нежелание Зиммеля различать чувство враждебности

и конфликтное поведе¬ние снова порождает ряд трудностей. Если конфликт с не¬обходимостью ведет к изменению предшествующих усло¬вий отношений сторон, то простая враждебность необяза¬тельно приводит к таким последствиям и может оставить все на своих местах.
Обращаясь к проблеме индивидуального освобожде¬ния, отметим, что Зиммель не мог предполагать, какой вес она обретет в позднейших психологических теориях. Накопившаяся враждебность и агрессивные предрасположенности могут выплеснуться не только против их непосредственного объекта, но и против замещающих его объектов. Зиммель явно учитывал только прямой конфликт между исходными сторонами противостояния. Он упустил из виду ту возможность, что иные, нежели конфликт, типы поведения могут, по крайней мере частично, выполнять сходные функции.
Зиммель писал в Берлине на рубеже веков, еще не зная о революционных прорывах в психологии, происходивших примерно в то же время в Вене. Если бы он был знаком с новой тогда теорией психоанализа, то отказался бы от допущения, будто чувства враждебности выплескива¬ются в конфликтном поведении, направленном только против самой причины этой враждебности. Он не учиты¬вал возможности того, что в случаях, когда конфликтное поведение по отношению к самому объекту враждебности каким-то образом заблокировано, то (1) чувства враждеб¬ности могут переходить на замещающие объекты и (2) за¬мещающее удовлетворение может достигаться просто путем снятия напряжения. В обоих случаях следствием оказывается сохранение исходных отношений.
Таким образом, для того чтобы адекватно проанализировать данный тезис, нужно придерживаться нашего раз¬личения между чувствами враждебности и их поведенческими проявлениями. Надо еще добавить, что в поведении эти чувства могут выражаться, по крайней мере, в трех формах: (1) прямое выражение враждебности по отношению к человеку или группе, являющимся источником фрустрации; (2) перенос враждебного поведения на замещающие объекты и (3) работа по снятию напряжения, обеспечивающая удовлетворение сама по себе, не требуя для этого ни подлинного, ни замещающего объекта.
Можно сказать, что Зиммель выдвинул концепцию конфликта как «защитного клапана». Конфликт служит клапаном, высвобождающим чувство враждебности, которое, не будь этой отдушины, взорвет отношения между антагонистами.
Немецкий этнолог Генрих Шурц изобрел термин Ven-tilsitten (вентильные обычаи), которым обозначил обычаи и ритуалы примитивных обществ, представляющие собой институционализированные клапаны для освобождения чувств и влечений, обычно подавляемых в группах. Хороший пример здесь — оргиастические празднества, когда могут открыто нарушаться обычные запреты и нормы сек¬суального поведения. Подобные институты, как отметил немецкий социолог Фиркандт, служат руслом дргя отведе¬ния подавленных влечений, оберегая таким образом жизнь социума от их разрушительного воздействия.
Но даже понятая таким образом концепция «защитных клапанов» довольно двусмысленна. Ведь можно сказать, что нападки на замещающие объекты или выражение враждебной энергии в других формах также выполняют функцию защитных клапанов. Как и Зиммелю, Шурцу и Фиркандту не удалось четко обозначить различия между Ventilsitten, которые обеспечивают негативным эмоциям социально санкционированный выход, не приводящий к разрушению структуры отношений в группе,

и теми ин¬ститутами, которые играют роль защитных клапанов, направляющих враждебность на замещающие объекты, или являются средством катарсического освобождения.
Больше всего данных, проясняющих это различение, можно почерпнуть из жизни дописьменных обществ — возможно, потому, что антропологи занимались этими проблемами более систематично, чем исследователи современной жизни, хотя и современное западное общество дает достаточно показательных примеров. Так, в качестве защитного клапана, обеспечивающего санкционирован¬ный выход для враждебных эмоций по отношению к непосредственному объекту, выступает институт дуэли, сущест¬вующий как в Европе, так и в обществах, не обладающих письменностью. Дуэль ставит потенциально разрушите¬льную агрессию под социальный контроль и дает прямой выход враждебности, существующей между членами об¬щества. Социально контролируемый конфликт «очищает воздух» и позволяет участникам возобновить отношения. Если один из них убит, предполагается, что его родственники и друзья не будут мстить удачливому сопернику; та¬ким образом, в социальном плане дело «закрыто» и отно¬шения восстановлены.
К этой же категории можно отнести и социально одоб¬ряемые, контролируемые и ограничиваемые акты мести.
В одном из австралийских племен, если мужчина оскорбил другого мужчину, последнему разрешается... бросить в обидчика определенное количество копий или бумерангов или, в особых случаях, ранить его копьем в бедро. После того как удовлетворение получено, он не мо¬жет таить злобу на обидчика. Во многих дописьменных об¬ществах убийство человека дает группе, к которой он при¬надлежит, право на убийство обидчика или другого члена его группы. Группа обидчика должна принять это как акт восстановления справедливости и не предпринимать по¬пыток возмездия. Предполагается, что получившие по¬добное удовлетворение не имеют больше оснований для дурных чувств. В обоих случаях существует социально санкциониро¬ванное право на выражение чувства враждебности по от¬ношению к противнику.
Рассмотрим теперь такой институт, как колдовство. Многие исследователи отмечают, что, хотя обвинения в колдовстве действительно часто служили орудием мести по отношению к объекту вражды, литература изобилует примерами, когда обвиненные в колдовстве вообще не причиняли никакого вреда обвинителям и не вызывали у них враждебных эмоций, а просто были средством избыть враждебные чувства, которые по разным причинам нельзя было направить на их подлинный объект.
В своем исследовании колдовства у индейцев навахо Клайд Клакхон описывает колдовство как институт, раз¬решающий не только непосредственную агрессию, но и перенос враждебности на замещающие объекты.
«Скрытая функция колдовства для индивидов заключается в обеспечении социально признанного канала для выражения культурно запретного».
«Вера и практика колдовства допускают выражения непосредственного и перемещенного антагонизма».
«Если мифы и ритуалы обеспечивают принципиальные способы сублимации антисоциальных склонностей людей навахо, то колдовство обеспечивает принципиальные социально приемлемые механизмы их выражения».
«Колдовство является каналом для смещения агрессии и облегчает эмоциональную адаптацию при минимальном разрушении социальных связей».

Есть случаи, когда враждебность действительно на¬правляется на непосредственный объект, но она также мо¬жет быть выражена и косвенным образом или даже вовсе не преднамеренно. Соответствующее различение сформу¬лировал Фрейд, обсуждая соотношение остроумия и аг¬рессии.
«Остроумие позволяет нам сделать нашего врага смеш¬ным, выставив на вид то, что нельзя высказать откровенно и прямо ввиду наличия разных препятствий».
«Остроумие является предпочтительным орудием кри¬тики или нападения на вышестоящих — тех, кто претенду¬ет на власть. В этом случае оно есть сопротивление власти и выход из-под ее давления».
Фрейд говорит о замещении средств выражения враж¬дебности. Он ясно показывает, что позитивная для инди¬вида функция конфликта, отмеченная Зиммелем, может осуществляться и косвенными средствами, одним из ко¬торых является остроумие. Поскольку замещающие средства, такие, как остроумие, могут и не повлечь за собой изменений в отношени¬ях между антагонистами (особенно если объект агрессивного остроумия не осознает причины и смысла острот), они дают возможность более слабым партнерам выразить свои чувства, не изменяя условия отношений. Подобное противостояние часто незаметно переходит в простое замещающее удовольствие, функционально эквивалентное снятию напряжения. Этим объясняется обилие политиче¬ских анекдотов в тоталитарных государствах, об этом же свидетельствует и приписываемая Геббельсу фраза, что будто бы нацистский режим на самом деле поощрял политические анекдоты, поскольку они давали безвредный вы¬ход опасным чувствам.
Театр и другие формы развлечений также могут служить замещающими средствами выражения враждебности. В обществе Бали, где социальная структура характеризуется жесткой стратификацией, большое внимание уделяется этикету, учитывающему ранг и статус, а театральные постановки в основном пародируют эти ритуалы. Пародия на статус передается танцами, где актеры стоят на головах с прикрепленными на лобковых местах масками, а ногами имитируют соответствующие ритуальные движения рук.
«Эта свободная театральная карикатура... нацелена на болезненные точки всей системы и в смехе дает выход от¬рицательным эмоциям».
Авторы доклада в Нью-Йоркской академии наук пред¬положили, что театральные постановки высвобождают скрытые чувства враждебности, глубоко коренящиеся в этом жестко стратифицированном обществе, что и позволяет последнему нормально функционировать. Впрочем, они не предоставили достаточных эмпирических подтверждений этой гипотезы.
На этих и других подобных примерах мы видим, что, хотя выражение враждебности имеет место, структура отношений как таковых остается неизменной. Если конфликт меняет условия отношений, то просто выражение чувств враждебности — нет. Так что выражение враждебности в отличие от конфликта может даже приветствова¬ться властью.
Введенное нами различение между замещением средств и замещением объекта имеет огромное значение для социологов, поскольку в случае замещения средств (остроумие, театр и т. п.) конфликт не возникает. Однако в агрессии против замещающих объектов (колдовство, лю¬бая другая форма поиска «козлов отпущения»), несмотря на то, что исходные взаимоотношения не затрагиваются (агрессия направлена в другую сторону), возникает новая конфликтная ситуация — в отношениях с замещающим объектом. Этот

второй тип отношений содержит условия для возникновения «нереалистического» конфликта, ко¬торый мы обсудим в следующем разделе.
Конечно, институты, канализирующие выражение враждебных чувств, встречаются не только в дописьменных обществах. Под воздействием гипотезы Фрейда об «изначальной враждебности людей друг к другу» многие исследователи указывали на массовую культуру как основ¬ной механизм «безопасного» высвобождения агрессивных побуждений, табуированных в иных социальных контек¬стах». Огромная популярность боксерских матчей и телеви¬зионных поединков рестлеров отчасти объясняется вообра¬жаемым соучастием зрителей, отождествляющих себя с лю¬бимым героем, когда он «бьет морду этому парню». Совре¬менная массовая культура служит средством освобождения от фрустраций, открывая возможности замещающего вы¬ражения строго табуированных импульсов враждебности. Как отмечает Герта Херцог в исследовании «Психологиче¬ское удовлетворение при прослушивании дневных радио¬программ», «некоторые слушатели наслаждаются сериала¬ми, воспринимая их исключительно как средства эмоцио¬нальной разрядки. Им нравится, что сериалы дают возмож¬ность «поплакать»... Возможность выразить агрессивность также является источником удовлетворения».
Некоторые из этих примеров позволяют выдвинуть гипотезу о том, что необходимость в институтах, выполняю¬щих функцию «защитных клапанов», возрастает с усилением жесткости социальной структуры, т. е. по мере ужесточения запрета, налагаемого социальной системой на выражение антагонистических эмоций. При этом должен учитываться ряд промежуточных переменных, таких, как общие ценностные ориентации, уровень безопасности и т. д. Эту тему мы еще обсудим.
В данном контексте уместно обратиться к хорошо из¬вестному механизму поиска «козла отпущения», действу¬ющему в групповых конфликтах. Мы не будем анализиро¬вать множество вышедших в последние годы книг по это¬му и другим аспектам феномена предубеждения. На неко¬торых аспектах упомянутого механизма мы остановимся в следующем разделе, а также в заключительной части кни¬ги. Пока же достаточно сказать, что большинство авторов концентрируются исключительно на изучении личности индивида — носителя предрассудка (возможно, потому, что современные исследовательские методы лучше приспособлены именно к такой задаче), пренебрегая изучением социальных функций предрассудков. Расистские и религиозные предрассудки, направляя враждебность на объекты, лишенные возможности сопротивления, вносят огромный вклад в поддержание стабильности существующих социальных структур, выполняя функцию институтов — «защитных клапанов», рассмотренных выше.
Здесь возникает проблема, о которой выше упоминалось лишь вскользь, но которая играет центральную роль в теории конфликта: проблема функционирования институ¬тов, канализирующих враждебные чувства, предотвращающих проекцию этих чувств на непосредственный объект враждебности и тем самым способствующих сохранению социальной системы. Деятельность этих институтов может также иметь и негативные последствия для социальной системы, для человека или для того и другого. Как отметил Клайд Клакхон, «за обвинение в колдовстве платили и человек, и группа». Общедоступный характер институтов, выполняющих роль «защитных клапанов», приводит к смещению целей у индивидов: они не ставят более перед собой задачу исправить неудовлетворительную ситуацию, им нужно всего лишь снять вызванную ею

напряженность. Сама же ситуация не меняется либо продолжает ухудшаться. В следующем тезисе мы попытаемся показать, что степень смещения преследуемой индивидом цели представляет собой важную переменную в теории конфликта. Психологи экспериментально показали, что открытая агрессия приносит больше удовлетворения, чем скрытая; аналогичным образом допустимо, по крайней мере, предположить, что конфликт, направленный непосредственно против объекта враждебности, может оказаться менее разрушительным для социальной системы, нежели отвод агрессивности через институционализированные «защитные клапаны». Институты, представляющие собой замещающие каналы для высвобождения агрессивности, могут стать разрушительными для социальной системы точно так же, как невротические симптомы разрушительны для человеческой личности. Невротические симптомы представляют собой результат подавления влечений, обеспечивая в то же время их частичное удовлетворение. Сдерживаемые влечения «находят иные пути наружу через бессознательное... Результатом являются симптом и, по сути, замещающее удовлетворение... Симптом не может совершенно освободиться из-под репрессивной власти эго и должен подвергнуться модификациям и замещениям... Таким образом, симптомы по природе своей являются компромиссным образованием между подавляемыми... инстинктами и подавляющим эго...; они представляют собой удовлетворение желаний обоих партнеров одновременно, но удовлетворение, неполное для каждого из них».
«В бессознательном подавленная идея сохраняет свою дееспособность и должна, следовательно, сохранять свой катексический потенциал».
Фрейдовский метод определения невротического симптома и его функций можно с пользой применить и в нашем случае. Во-первых, эвристический принцип взаимодействия между Id, стремящимся к удовлетворению, и Ego, старающимся подавить это желание, можно применить к взаимо¬действию между человеком, ищущим удовлетворения, и институтами, которые блокируют это желание или подсовывают объекты-заместители. Перефразируя фрейдовский афо¬ризм, мы можем сказать, что институты, выполняющие роль «защитных клапанов», позитивно функциональны в отно¬шении как индивида, так и социальной структуры, но недостаточно функциональны для каждого из них.
Во-вторых, поскольку удовлетворение желаний индивида оказывается неполным, частично или целиком подавленная идея «сохраняет дееспособность». Блокирование неснятого или частично снятого напряжения вместо адаптации к изменившимся условиям приводит к ужесточению структуры и создает предпосылки для разрушительного взрыва.
Более того, современный психоаналитик может ска¬зать то же самое и по поводу «благотворного эффекта» простого снятия напряжения.
Раньше «снятие напряжения» рассматривалось как те¬рапевтически решающий фактор. Верно, что при этом имеет место освобождение до сих пор, подавляемых эмоций... Однако на этом пути недостижимо подлинное и полное прекращение деятельности защитных механизмов... Не только накопленная ранее энергия должна освободиться в едином акте, но и вновь возникающие инстинктивные напряжения должны иметь постоянную возмож¬ность находить разрядку.
Если, как предполагает Зиммель, «конфликт очищает воздух», то институты, которые служат лишь снятию напря¬жений, канализации враждебных чувств, оставляя

неизмен¬ными структуры отношений, могут функционировать как громоотводы, но не в состоянии предотвратить периодиче¬ское сгущение туч, т. е. новое накопление напряженности.
Однако отношения между членами группы могут быть столь хрупкими, что не смогут выдержать конфликта. В та¬ком случае для продолжения отношений требуется заме¬щающий объект. К этой ситуации мы вернемся ниже.
Учитывая предшествующие рассуждения, мы можем переформулировать приведенный выше тезис:
(1) конфликт не всегда дисфункционален по отношению к системе, в которой он возникает; часто конфликт необходим для ее сохранения. Если нет способов выразить враждебность или недовольство по отношению друг к дру¬гу, члены группы могут пережить глубокую фрустрацию и прийти к полному разрыву отношений. Обеспечивая сво¬бодный выход сдерживаемым враждебным эмоциям, кон¬фликт служит сохранению групповых отношений;
(2) социальные системы создают особые институты, служащие отводу враждебных и агрессивных эмоций. Та¬кие институты, выполняющие роль защитных клапанов, помогают сохранить систему, предупреждая возможный конфликт или сводя к минимуму его разрушительные последствия. Они предоставляют как замещающие объекты, в отношении которых допустимо выражение враждебности, так и средства такого выражения. Эти «защитные клапаны» не дают враждебным эмоциям выплеснуться на их непосредственный объект. Однако подобные замещения влекут определенные издержки как для социальной системы, так и для индивида. В системе ослабевают стимулы к изменению, позволяющему приспособиться к меняющимся условиям внешнего мира. Что касается индивида, то в нем происходит накопление негативных эмоций — потенциала разрушительного взрыва.
Перенесение чувства враждебности на замещающий объект (в отличие от простого символического выраже¬ния) создает новую конфликтную ситуацию уже в отношении этого объекта. В следующем разделе мы рассмотрим, в чем состоит различие между подобными «нереалистическим» и «реалистическим» типами конфликта.
ТЕЗИС: реалистический и нереалистический конфликт
Если конфликт порожден неким объектом притяза¬ния, стремлением что-то иметь или чем-то распоряжаться, гневом или местью... то для него характерно то, что, в принципе, для достижения любой из этих целей имеются и другие средства. Желание обладания или подчинения, даже уничтожения врага можно удовлетворить, выбрав пути, иные, чем борьба. Когда конфликт — это просто сред¬ство, определенное более высокой целью, нет причин ограничивать или даже избегать его, поскольку его всегда можно заменить иными средствами и с тем же успехом. Когда же, наоборот, он обусловлен исключительно субъективными эмоциями, когда в дело вступает внутренняя энергия, которую можно удовлетворить только в борьбе, замена его други¬ми средствами невозможна; он есть свой собственный смысл и цель...
Зиммель утверждает, что конфликты, порожденные столкновением интересов или столкновением личностей, содержат в себе сдерживающий элемент — в той мере, в какой борьба является лишь средством достижения цели; если желаемого результата можно точно так же или еще скорее достичь с помощью других средств, то они и могут быть использованы. В таких случаях конфликт — только одна из нескольких функциональных возможностей.

Однако есть ситуации, когда конфликт возникает иск¬лючительно из агрессивных импульсов, ищущих выхода независимо от того, каков их объект, и когда выбор объекта совершенно случаен. В таких случаях ограничений не существует, поскольку важно не достижение результата, а скорее выражение агрессивных эмоций, вызывающих взрыв. В этом разделении конфликта как средства и конфликта как цели самой по себе содержится критерий различения между реалистическим и нереалистическим конфликтом. Конфликты, возникающие из-за неудовлетворения специфических требований в рамках отношений и ожидаемых выгод участников и направленные на предполагаемый фрустрирующий объект, могут считаться реалистическими конфликтами в той мере, в какой они являются сред¬ствами достижения определенного результата. Нереалистические конфликты, с другой стороны, хотя также предполагают взаимодействие между двумя или более индивидами, порождены не антагонизмом целей участников, а необходимостью разрядки, по крайней мере у одного из них. В этом случае выбор соперника не связан напрямую ни с проблемой, по которой идет спор, ни с необходимостью достижения определенного результата.
Именно такой случай имеет в виду Э. Френкель-Брун-свик, характеризуя «этноцентричную личность»: «Даже ненависть ее подвижна и может направляться с одного объекта на другой». Слова Джона Дьюи о том, что «люди стреляют не потому, что существуют мишени, а они создают мишени, чтобы стрельба и метание камней стали ос¬мысленными и эффективными», вполне применимы к этому типу нереалистического конфликта.
Так, антисемитизм, за исключением тех случаев, когда он вызван конфликтами интересов и ценностей евреев и других групп или индивидов, будет нереалистическим конфликтом, если он — реакция прежде всего на фрустра¬цию, объект которой представляется подходящим для высвобождения агрессивных эмоций. Станут ли таким объ¬ектом евреи, негры или другие группы — для агрессора имеет второстепенное значение.
Нереалистический конфликт, вызванный необходи¬мостью освободиться от агрессивного напряжения у одно¬го или более взаимодействующих индивидов, менее «ста¬билен», чем реалистический конфликт. Лежащую в его основе агрессивность можно легко направить по другим каналам именно потому, что она не связана напрямую с объектом, ставшим мишенью «по обстоятельствам». Она может проявиться совсем иначе, если выбранный объект уже недоступен.
Реалистический конфликт, напротив, исчерпывает себя, если индивид находит альтернативные пути, позволя¬ющие достичь той же самой цели. В реалистическом конфликте имеются функциональные альтернативы в отношении средств. Участникам всегда потенциально доступны механизмы, различные по эффективности, но иные, чем конфликт. Кроме того, нужно заметить, что в реалистических конфликтах есть возможность выбора между различными формами соперничества; выбор зависит от оценки инстру¬ментальной адекватности этих форм. В нереалистическом конфликте, наоборот, существуют лишь функциональные альтернативы в отношении объектов. Проведенное различение помогает избежать ошибки, заключающейся в объяснении социального феномена ре¬алистического конфликта исключительно как «снятия на¬пряжения». Например, рабочий, который бастует, чтобы добиться повышения зарплаты, статуса или влияния своего союза, и рабочий, выплескивающий агрессию по отношению к боссу потому, что тот служат дня него воплощением эдиповой фигуры

отца, — это социально различные типы. Замещаемую ненависть к отцу может навлечь на себя любой подходящий объект — босс, полицейский или мастер. Экономическая борьба рабочих против босса, наоборот, основывается на их конкретном положении и роли в экономической и политической системе. Если это будет выгодно, они могут не прибегать к конфликту, а найти способ согласования интересов; и конфликт может находить разрешение не только в стачке, но и в откровенном обмене мнениями, в дискуссии, в выговаривают уступок с одной и другой стороны и т. д.
Антагонистические действия со стороны рабочих против управленческого персонала или наоборот можно считать реалистическим конфликтом в той мере, в какой они являются средством для достижения результатов (более высокого статуса, большей власти, большей выгоды); если целью рабочих или управленческого персонала является достижение подобных результатов, а не просто выражение диффузной враждебности, такие конфликты менее вероятны в ситуациях, когда имеются альтернативные средства достижения тех же целей.
Различение реалистического и нереалистического конфликтов помогает внести ясность в споры о социальном контроле и социальном отклонении. Девиаты необя¬зательно «иррациональны» или недостаточно реалистически ориентированы, как то неявно предполагает большинство исследователей. Отклоняющееся поведение, анализируемое Мертоном в работе «Социальная структура и аномия», в той мере, в какой оно представляет собой достижение культурно предписанных целей посредством культурно табуированных средств, образует одну из разновидностей реалистической стратегии. Если девиаты такого рода на¬ходят законные средства для достижения той же самой цели, то, вероятнее всего, они не прибегнут к социально неодобряемым средствам. Отклонение в данном случае имеет скорее инструментальный, нежели экспрессивный характер. Однако другие типы отклонения могут служить и освобождению от напряжений, накопившихся в процессе социализации, а также фрустраций и несправедливостей во взрослой жизни. В этих случаях девиату важно агрессив¬ное поведение само по себе; объект, на который оно на¬правлено, имеет второстепенное значение. Прежде всего, ему необходимо освободиться от напряжения, поэтому действие не является средством достижения определенного результата. В подобных случаях наименее вероятна сравни¬тельная оценка в пользу выбора мирных или агрессивных средств, поскольку удовлетворение достигается именно в агрессивных действиях, а не в их результате.
Неспособность учесть предложенное выше различе¬ние приводит к путанице в современных исследованиях «напряженности» и «агрессивности». Например, закономерности, выявленные при изучении нереалистического конфликта, применяются к области международных отношений без учета того, что конфликты в этой области — прежде всего реалистические конфликты, основанные на борьбе за власть, столкновении интересов или ценностей, а нереалистические элементы, которые сюда примешиваются, случайны и в лучшем случае играют вспомогательную роль. Как выразился Э. Джонсон, «обычно считают, что взаимные антипатии... играют значительную роль в развязывании войн. История дает лишь единичные свиде¬тельства в пользу этой точки зрения... Подобные антипатии... оказываются скорее результатом, нежели причиной войн».
Психолог, изучающий механизмы замещения, совер¬шенно прав, когда обращает внимание прежде всего на одержимого предрассудками индивида, тогда как мишень

агрессии представляет для него лишь второстепенный интерес. Но при изучении конфликтной ситуации, где главное — взаимодействие, социолог должен сосредоточиваться на отношениях и заниматься спецификой ценностей или различиями интересов противоборствующих сторон. Совершенно неоправданна априорная оценка требований сторон в конфликтной ситуации в качестве эквивалента суждений типа «центр Земли состоит из варенья». Социо¬логическое изучение международной политики вполне законно может заниматься изучением напряженностей, возникающих в силу различных фрустраций в национальных социальных системах, но оно не достигнет своей главной цели, пока не проанализирует реалистические конфликты по поводу распределения власти, вокруг которых и формируются контуры союзов и противостояний.

Подобным же образом исследования в области индустриальной социологии, вдохновленные Элтоном Мэйо, демонстрируют, что им чуждо представление о существовании реалистического конфликта или его функциях. Конфликтное поведение рассматривается почти исключительно как нереалистическое поведение. В них логика фактов, «логика издержек и логика эффективности» (т. е. «фактов», полезных для управленческого персонала) противопоставляется «логике сантиментов» (со стороны рабочих). Таким образом, требования-рабочих лишаются их реалистического основания. «Вольно или невольно возникает впечатле¬ние, что управленческий персонал руководствуется разумом, а рабочие в основном созданы из эмоций и ощуще¬ний». Упор на «сантименты» затемняет реалистическую основу конфликта, В действительности такие исследования демонстрируют поразительное непонимание идущей на предприятиях реальной борьбы за власть и деньги.

Если возможность реалистического конфликта не принимается во внимание, социологи, работающие в об¬ласти управления производством, естественно, «удивляются, что это за люди, которым приходят в голову такие идеи», и вместо того, чтобы направить свое внимание на исследование конфликтной ситуации, ищут «терапевтические меры воздействия». Приверженность взгляду, что источник конфликта нужно искать скорее в сантиментах, разрушающих отношения, нежели в природе самих этих социальных отношений, ведет к тому, что социологи рас¬сматривают все конфликты как «социальную болезнь», а отсутствие конфликтов — как «социальное здоровье». Они концентрируют внимание не на источнике фрустраций, не на проблеме как таковой, но на том, как фрустрация влияет на индивида, говоря словами Д. Карнеги, они пы¬таются «осчастливить другого своим предложением», на¬правив его чувства враждебности по «безопасным» кана¬лам. Так, Ретлисбергер и Диксон с восхитительной иск¬ренностью пишут о консультативной системе: «Такого рода неавторитарные структуры контролируют и руково¬дят теми человеческими процессами в индустриальной системе, которые не контролируются надлежащим обра¬зом другими управленческими структурами».

Различение между реалистическим и нереалистическим конфликтом базируется на концептуальном абстра¬гировании от конкретной реальности, где оба типа конфликта могут выступать в смешанном виде. Однако, как отметил М. Вебер, «конструкция чисто рациональной схемы деятельности... служит социологу в качестве типа... Сравнение с ним позволяет понять способы воздействия раз¬нообразных иррациональных факторов на реальную деятельность... ответственных за отклонение от линии пове¬дения, которой следовало бы ожидать, исходя из гипотезы о чисто рациональной природе

действия».
Реалистические конфликтные ситуации могут сопро¬вождаться, особенно когда нет реальных возможностей до¬стигнуть цели, нереалистическими сантиментами, в кото¬рых искаженным образом отражается природа конфликта. В конкретной социальной реальности встречается смесь обоих «чистых» типов. Т. Парсонс прекрасно сказал об этом, описывая механизм заметцёния (или создания «козла отпущения»): «Поскольку было бы опасно и ошибочно вы¬ражать враждебные чувства по отношению к членам своей группы, часто бывает психологически легче «переместить» аффект на внешнюю группу, в отношении которой уже су¬ществует некоторое основание для враждебности. Поэто¬му механизм замещения редко срабатывает вне определен¬ного «разумного» основания для враждебности, в котором и выражается реальный конфликт идеалов или интересов». Иными словами, одним из источников нереалистических вкраплений в реалистических конфликтах являются инсти¬туты, оценивающие свободное выражение открытой враждебности как «опасное и ошибочное».
Термин «реалистический конфликт» не подразумевает с необходимостью, что используемые средства на самом деле соответствуют поставленной цели; участники конфликта могут просто считать их адекватными на том основа¬нии, что они общеприняты в культуре данного общества. Рабочие, выходящие на забастовку с требованием уволить рабочих-негров, чтобы сохранить свой уровень зарплаты, участвуют в реалистическом конфликте. Но (и в этом суть зиммелевского тезиса) если ситуация изменится таким об¬разом, что в борьбе за сохранение зарплаты выгоднее окажутся другие средства, то рабочие скорее всего не станут прибегать к дискриминации негров. Если же дискримина¬ционная практика сохранится, несмотря на то, что имеют¬ся другие, более эффективные средства достижения той же цели, то можно предположить, что в конфликте выража¬ются и нереалистические элементы, такие, как «предубеждения».
Пожалуй, сказанного достаточно для прояснения раз¬личий между реалистическим и нереалистическим типами конфликта.
Каждая социальная система содержит источники реа¬листических конфликтов в той мере, в какой люди выдви¬гают конфликтующие требования относительно статуса, власти, ресурсов и придерживаются конфликтующих цен¬ностей. Несмотря на то, что распределение статуса, власти и ресурсов определяется нормами и ролевой системой распределения, оно всегда в той или иной степени будет оставаться предметом соперничества. Реалистические конфликты возникают тогда, когда люди сталкиваются с пре¬пятствиями в реализации своих требований, когда их за¬просы не удовлетворяются, а надежды терпят крушение.
Нереалистические конфликты возникают на основе лишений и фрустраций, имевших место в ходе социализа¬ции и позднее, при выполнении обязательств, накладываемых ролью взрослого; или же, как мы видели в предыду¬щем тезисе, они становятся результатом превращения изначально реалистического антагонизма, прямое выражение которого запрещено. Если конфликт первого типа происходит внутри самих фрустрированных индивидов, стремящихся достичь определенных результатов, то конф¬ликт второго типа состоит в снятии напряжения путем аг¬рессии, направленной на не определенный заранее объ¬ект. Конфликт первого типа рассматривается участника¬ми как средство достижения реалистических целей — средство, от которого можно отказаться, если появятся другие, более эффективные средства. Конфликт

второго типа не оставляет такого выбора, поскольку удовлетворение черпается в самом акте агрессии.
Реалистический конфликт, сопровождаемый эмоционально искаженными сантиментами, станет предметом рассмотрения в следующем тезисе.